

ниях XV в. Но именно расхождения с общепринятым формуляром в послании к великому князю позволяют заметить, во-первых, датирующий признак (просьбу к князю о посещении), а во-вторых, признаки немосковского и домосковского происхождения послания: например, великого князя не называют «государем» и «великим князем всея Руси», не упоминают о его месте среди других государей (в начальном обращении к князю вообще отсутствует эпитет «славный»),¹⁵ в конце послания нет обычного приветствия великой княгине и чадам (а у Ивана III в то время были жена и сын), не говорится, что пишут великому князю из его «отчины», нет ни слова о радости и любви авторов к великому князю.¹⁶

Идейно-композиционная противоречивость Неозаглавленного письмовника заставляет подозревать, что в дошедших списках его отразились уже какие-то позднейшие изменения и что первая, древнейшая его редакция до нас не дошла, дошли только списки второй, ранней и третьей, поздней редакций. Так, почти все послания в письмовнике следуют в порядке важности адресатов, имеют несходные тексты и построены одинаково: похвала адресату, авторское самоумаление, пожелания адресату (обычно здоровья) и просьба помочь (обычно молитвой), концовка с упоминанием страшного суда, бога и пр. Но резко нарушает этот порядок послание к «властелину», которого, думается, первоначально в письмовнике не могло быть: оно стоит перед посланием ко владыке (явно поздняя черта — «властелин» поставлен выше владыки), «властелину» желают быть в милости у царя или князя (первоначально письмовнику верноподданностью не отличался), сам адресат назван очень неопределенно, а сам текст послания почти целиком заимствован из предшествовавшего послания к великому князю и необычно краток даже для этого лаконичного письмовника. По признакам того же типа можно выявить позднейшие изменения в послании к монаху: вопреки субординации, оно стоит перед посланием к великому старцу, но заимствует из него кусок текста, отчего композиционные части повторяются. Судя по изменениям за счет именно этих посланий, для второго редактора больше, чем для первого, имели значение светские властители: одно послание к «властелину», а другое — от властителя к монаху («иже в власти чернцу»). Наблюдая состав и последовательность посланий третьей, поздней редакции, можно не очень уверенно предположить отражение в ней теократических и антисекуляризаторских настроений. Так, например, послание к царю поставлено теперь лишь на третье место, после посланий к митрополиту и епископу, а в конце письмовника прибавлено послание к «супротивному», который хочет что-то отнять у адресата. Как раз известно об оппозиции в конце XV в. церковных иерархов Ивану III из-за его секуляризаторских планов.¹⁷ Интересно, что старший из списков ранней редакции (ГПБ, Софийск. 1444,

¹⁵ См. о трех понятиях в титуле Ивана III: И. М. Кудрявцев. «Послание на Угру» Васснана Рыло как памятник публицистики XV века. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 167 и сл.

¹⁶ О противомосковской направленности послания говорить нет достаточных оснований. Но интересно, что, например, Пахомий Серб в московской редакции Сказания о чуде Варлаама Хутынского именовал Василия II великим князем всея Руси, а Новгород — отчиной великого князя. В новгородской же редакции эти слова были опущены. См.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 230.

¹⁷ См., например: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 178; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 241—246, 260, 418—419; Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, стр. 89—90.